

ИСТОРИИ

«Я не рекомендую держать выходные узлы Tor дома» Интервью математика Дмитрия Богатова, который провел в СИЗО больше трех месяцев по обвинению в призывах к беспорядкам

10:10, 1 августа 2017 · Источник: Meduza

Фото: Михаил Почуев / ТАСС / Scanpix / LETA.

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

24 июля Пресненский суд Москвы изменил меру пресечения 25-летнему математику Дмитрию Богатову — с заключения под стражу на домашний арест. Богатов провел в СИЗО почти три с половиной месяца: 10 апреля его обвинили в том, что перед оппозиционной акцией 2 апреля⁽¹⁾ он призывал к терроризму и массовым беспорядкам. Богатов и его адвокаты пытались доказать суду, что в момент публикации его не было дома, а из-за того, что его компьютер является выходным узлом сети Tor⁽²⁾, IP-адрес математика мог присвоить любой пользователь. Журналистка «Медузы» Саша Сулим навестила Дмитрия Богатова у него дома и расспросила о времени, проведенном в СИЗО, и о том, продолжит ли он быть оператором выходного узла сети Tor.

— Когда вы узнали, что вам собираются изменить меру пресечения на домашний арест?

— Я понял, что происходит что-то удивительное, только когда 24 июля меня привезли в суд. Сначала я подумал, что в тот день будут проводить какие-то экспертизы или следственные действия. Поэтому я очень удивился, что следствие вдруг выходит с таким ходатайством. В зал суда меня привели под конвоем, в наручниках, из зала —

тоже с конвоем, но уже со свободными руками. Разница ощутима. Еще я очень хотел забрать с собой коробочку с сухим пайком, чтобы дома показать, — и мне это удалось.

— Вы когда со следователями-то беседовали в последний раз?

— Месяца три назад, когда меня заключили под стражу.

— А как тогда проходило ваше с ними общение? Было ли у вас ощущение, что они вас слушают и слышат?

— Не сказал бы, что они меня слушали. Скорее нет. Когда они пришли ко мне домой и предъявили обвинения — тогда это называлось еще подозрением — я сразу понял, что история не стоит выеденного яйца. Я им сказал, что у меня есть выходной узел Tor, и с технической точки зрения все было очевидно. Но они сказали мне — «разберемся», а дальше был обыск, задержание, суд, еще раз обвинение, задержание, суд, СИЗО.

— То есть объяснять им, как устроены выходные узлы, было бесполезно?

— Они только и повторяли слова «протокол», «УПК», «задержание», «обвинение». То есть форма всего

происходящего преобладала над содержанием. Точнее, содержания вообще не было.

— **Грубо себя вели с вами?**

— Нет. В этом их обвинить нельзя, с этим было нормально.

— **Не угрожали, ничего подписывать не заставляли?**

— Нет-нет, ничего такого не было.

— **Вы знали о кампании в вашу поддержку?**

— О масштабе всего происходящего я узнал на первом свидании — тогда ко мне пришла моя супруга.

И рассказала мне про все эти трогательные вещи, про идею переименовывать выходные узлы во freeBogotov, другие мероприятия и акции. До этого я, конечно, ничего не знал. Сами понимаете, какие источники информации в камере — телевизор. По телевизору меня не показывали. Все новости доходили до меня с большим опозданием. Какие-то вообще не доходили — по понятным причинам.

— **Что почувствовали в тот момент?**

— Было приятно и неожиданно, что это дело представляет интерес не только для ближайшего круга.

— Вы уже неделю находитесь дома, расскажите, что вам сейчас делать запрещено?

— Я не могу покидать квартиру, не могу пользоваться мобильной техникой и интернетом. А еще не могу общаться с участниками уголовного процесса, но если учесть, что я — единственный фигурант, то это условие поставили, наверное, для видимости. Поэтому мусор выносит жена и впустить вас в квартиру я тоже не могу, потому что не могу подходить ко внешней двери.

— Чем вы занимаетесь?

— Я пытаюсь отблагодарить всех, кто меня поддерживал, ответить на вопросы — через мою супругу, а не через цензора в СИЗО. А еще занимаюсь самообразованием. У меня есть много книг, до которых раньше никогда не доходили руки — в основном они посвящены программированию и изучению языков. Компьютера нет, телефона нет, ничего нет — вспоминаем золотые времена XVIII века.

— Расскажите, как прошли эти три с половиной месяца в СИЗО? Сколько человек сидели с вами в одной камере?

— В камере, или «хате», нас было четверо. 23 из 24 часов в сутки мы проводили там, каждый занимался своим делом, никто никому не мешал. Все было довольно бесконфликтно, большую часть времени каждый сидел

на своей кровати и что-то читал или писал. У нас была довольно большая библиотека с исторической литературой, словарями — в общем, самообразовывались.

— Родные могли вам книги передавать?

— Книги можно было получить только посылкой через Почту России. Но быстрее всего их доставляют из интернет-магазинов. Посылка от семьи шла, по моему, три-четыре недели, а книжка, заказанная на «Озоне», пришла через полторы недели — не спрашивайте почему. Еще с книжками там такая история, что читать можно только на русском, и она должна пройти проверку оперативным отделом на экстремизм. Семья передала мне книгу на эсперанто, но там был перевод — такое считается нормальным. То есть словарь — можно, просто книгу на иностранном языке — нельзя.

— А кто с вами сидел? Что это были за люди?

— Вообще, расспрашивать, чем человек живет или занимался — не принято. Когда вы «заезжаете», это становится достоянием всего корпуса, обязательнейшим образом доносится до всех: кто вы, откуда и с чем приехали — и по большому счету это все, что о вас знают. Есть такое понятие, что из хаты сор не выносят. Если что-то человек сказал в камере, то пересказывать это за пределами — неэтично.

— Но вы сами-то общались с сокамерниками?

— Не сказал бы, что сильно много. У нас были шахматы, и начиная с какого-то времени, они стали частью обязательной программы: у всех свои дела плюс шахматы вечером.

— Чем вас кормили?

— Еда поставляется три раза в день, утром — каша, в обед — суп какой-то и макароны — если повезет, с тушенкой, на ужин — тоже какие-то каши, иногда какие-то рыбки маленькие, честно говоря, так и не понял, как они называются. Но есть еще гораздо более приятная, но куда более дорогая опция — это возможность заказывать еду в ресторане. Родители или родственники могут заказать тебе еду попримечнее: тогда приносят всякие баночки, которые можно потом разогреть, суп, картошку с чем-нибудь, салатик.

— Вы же вегетарианец?

— С этим, конечно, в СИЗО тяжело, особенно когда сидишь на баланде, — я же не сразу узнал о существовании ресторана. Когда в СИЗО попадаешь, тебе не выдают памятку, какие тут есть опции — это все передается от тех, кто знает больше, к тем, кто знает меньше — второе начало термодинамики. Есть хочется, поэтому ешь все, что есть. Когда мне уже стали заказывать еду, то заказывали, конечно, вегетарианскую.

— За три месяца вы неплохо изучили местные порядки и специфику общения?

— Когда туда заезжаешь, сокамерники устраивают краткий инструктаж: что делать, чего не делать. Есть определенные правила, которые считаются местным этикетом, которому нужно следовать. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Конечно, там есть специальная терминология для понятий, которых на воле нет.

Дмитрий Богатов в Пресненском районном суде, 10 апреля 2017 года

Геннадий Гуляев / Коммерсантъ

— Вы преподаете математику в Московской финансово-юридической академии, есть ли у вас какие-то новости оттуда? Связывалось ли с вами руководство академии?

— Честно говоря, пока со мной никто не связывался или же мне об этом неизвестно — надо понимать, что письма, вся коммуникация в СИЗО в высшей степени ненадежна. Пока я не получал каких-то сообщений от них — они, видимо, как-то справились с проблемой, смогли закрыть мои учебные часы.

— Расскажите, что для вас работа со свободным программным обеспечением. Можно ли сказать, что это целая философия?

— Если угодно, да. Программное обеспечение называется свободным, если у вас есть определенные права в работе с ним. Первое — это возможность его запускать. Бывает, что те или иные компании ограничивают количество компьютеров, на которых можно их программное обеспечение использовать. Второе — возможность изучать, как оно работает. Вот у меня есть на кухне кран, если он сломается, я вызову сантехника, и я могу вызвать любого сантехника, а не кого-то конкретного. Третье — это возможность вносить изменения. В чем смысл знать, как работает программа, если вы не можете ее изменить? Если вам что-то не нравится, вы должны иметь возможность

подстроить ее под свои нужды. И четвертое — это возможность распространять ту программу, которую вы подстроили под свои нужды.

Главная идея в том, что вы контролируете программу. Компьютер — это очень важная часть современной жизни человека, почти каждый вынужден так или иначе с ним взаимодействовать, и очень важно, чтобы непосредственный пользователь имел конечный голос в том, как будет программа работать. Программа — это инструмент, который должен помогать пользователю, работать на него. А не как в нашумевшей истории с Microsoft Windows 10, когда программа в принудительном порядке собирала информацию, что-то отправляла, что-то включала или выключала — и у пользователя нет никакой, не только технической возможности, но даже правовой [возможности на это повлиять].

— Что в этой философии для вас самое важное?

— Концепция того, что человек свободен, имеет право самостоятельно делать выбор, а не кто-то непонятно как делает за него выбор. Есть огромное количество технических аргументов, прецедентов юридического толка, связанных с тем, как те или иные корпорации вроде Microsoft или Apple злоупотребляют своими возможностями. Но лично мне уже сама идея того, что у кого-то есть необоснованная власть, кажется

достаточной. Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно.

— А как эта философия свободного программного обеспечения связана с распространением узлов Tor?

— Узлы Tor я бы философией не назвал. Это скорее связано с правом человека на частную жизнь, ведь когда вы заходите в интернет, просто открываете какой-то сайт, происходит множество вещей, которых вы не замечаете, но в результате которых рекламные корпорации собирают немереное количество информации о вас. Эта информация может продаваться, меняться — так или иначе она представляет интерес и является объектом торга, договорных денежных отношений. Думаю, никто не готов к тому, чтобы всю его жизнь кто-то записывал, но происходит ведь именно это. Tor — это один из инструментов, который позволяет бороться с этим.

— Одно дело установить браузер Tor на свой компьютер, другое — сделать выходной узел.

— Да, есть клиент — тот, кто пользуется этой возможностью, и те, кто ее предоставляет. Сделать у себя выходной узел я решил из чувства благодарности сообществу: если я пользуюсь чем-то, что предоставляет это широкое «мы», то я должен сделать и свой вклад. Наверное, здесь можно процитировать известную песню: «А сегодня что для завтра сделал ты?»

— Могли ли вы предположить, что эта история представляет для вас какой-то риск?

— Я предполагал, что это может вызвать какие-то вопросы, но я знал, что не делаю ничего противозаконного. Я полагал, что того факта, что я невиновен, мне достаточно для того, чтобы не иметь проблем.

— То есть нести ответственность за действия другого человека вы тоже не рассчитывали?

— Я бы не стал списывать эту историю на действия другого человека. Я, естественно, не одобряю текст, который мне приписывают. Насилие противоречит моим убеждениям, жизнь — священна. Но я не утверждаю, что вся эта история случилась из-за этого человека. Она случилась из-за некомпетентности правоохранительных органов. Ведь им же ничто не мешало разобраться в том, что этот IP-адрес принадлежит выходному узлу Tor. Надо просто работать лучше и тоньше, но ввиду своей некомпетентности они действовали очень грубо: увидели слово «IP-адрес», сделали запрос, где этот IP-адрес, и дальше думать не стали.

Я всегда свято верил в то, что называется правовым государством. Суть в том, что если вы невиновны, значит, вам нечего бояться закона и правоохранительных органов.

— Вы слышали о других подобных случаях, когда человек — держатель выходного узла пострадал от действий другого?

— Я читал про некие ситуации, если не ошибаюсь, в Германии, где к человеку, держащему выходной узел Tor, проявляли интерес. Но ровно до того момента, пока он не объяснял, что это такое и как оно работает. Возбуждение уголовного дела — это, конечно, за гранью здравого смысла.

— Как вы относитесь к тому, что Tor часто используют в незаконных целях?

— Tor — это всего лишь инструмент. Как, например, нож: обычно с его помощью люди режут сыр, но некоторые режут других людей. Следует ли из этого, что мы должны относиться к ножам, как к чему-то ненормальному? Любой предмет можно использовать во благо и во зло. Но из-за того, что кто-то использует его во зло, вовсе не следует, что надо лишать всех остальных возможности им пользоваться.

— А есть ли какие-то меры предосторожности для держателей вот этих выходных узлов?

— Сложно сказать, как можно защититься от такого топорного и некомпетентного подхода правоохранительных органов. Вы вообще можете ничего не понимать в компьютерах — и быть в зоне риска. Вашу

страничку в социальных сетях могут взломать и от вашего имени написать что-то нехорошее — отвечать за это будете вы. Судя по моей практике, объясняться вы уже будете из СИЗО. То же самое касается вашей почты или Wi-Fi-роутера в вашей квартире. Дело не в той или иной технологии — дело в подходе: сначала делаем, потом разбираемся.

— Вы активны в соцсетях?

— Нет. Я в принципе не вижу необходимости во всем этом. У меня есть очень минималистичная страничка, содержимое которой контролирую только я. Не стоит забывать, что социальная сеть кому-то принадлежит, этот кто-то может вас перевернуть, удалить, еще что-то.

— Когда все закончится, вы останетесь держателем выходного узла?

— В России — нет. Я не рекомендую держать выходные узлы Tor дома, потому что сначала вы попадете в СИЗО, а потом уже будете доказывать, что невиновны. Вполне нормально держать узел на арендованном сервере где-то за границей, там, где к этому относятся более здраво.

— Вы вообще могли представить в самых страшных своих снах, что с вами может такое произойти?

— Я всегда рассуждал так: если я не нарушаю закон, значит, в тюрьму я не попаду.

— Как вы изменились за время, которое в СИЗО провели?

— Сложный вопрос. Мы же никогда не замечаем, как меняемся. Обычно это вопрос не к нам, а к нашим близким. Они мне пока списка изменений не выдавали. Мне кажется, я научился лучше слушать людей, но, возможно, это самообман.

— Ваша семья, наверное, очень рада?

— Конечно. Вы только представьте, что в СИЗО разрешено два свидания с семьей в месяц по сорок минут, а тут я уже неделю дома. В СИЗО с удивлением обнаруживаешь, что такая прозаичная вещь, как ночное небо не в клеточку — это так красиво! Начинаешь ценить на первый взгляд очевидные вещи: возможность выйти прогуляться в парк, позвонить друзьям и родным. Вроде как каждый имеет на это право, но не забывайте этим наслаждаться.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

Живой! Не голограмма! Математика Дмитрия Богатова перевели из СИЗО под домашний арест

«Здесь круглое надо нести, а квадратное катить»
Интервью Татьяны Федоровой — жены математика Дмитрия Богатова, обвиняемого в организации массовых беспорядков

«Я выступал для властей кем-то вроде бесплатного консультанта» Оператор выходного узла Tor из Германии — о деле Дмитрия Богатова и своих отношениях с судами

История математика Дмитрия Богатова, которого обвиняют в призывах к массовым беспорядкам и терроризму. Видео

Саша Сулим

(1) Акция 2 апреля

Спустя неделю после большой антикоррупционной акции 26 марта так и оставшиеся неизвестными активисты призвали вновь выйти на улицы. В итоге в хаотичной акции приняли участие несколько сотен человек, 31 человек был задержан

[Вернуться к тексту](#)

(2) Выходной узел сети Tor

Выходной узел (exit node) - это единственный видимый при передаче информации сервер в анонимной сети Tor

[Вернуться к тексту](#)